

Идентичность и дискуссии вокруг нее являются сегодня в высшей степени значимым идеологическим, геополитическим и культурным феноменом: это обусловлено тем, что вопросы сохранения любым государством собственной «национально-государственной идентичности» непосредственно обусловлены кругом проблем и трактовок природы идентичности как таковой. Механизмы ее формирования не могут и не должны достигаться посредством усилий неких периферийных научных школ: нынешнее состояние культурной «сферы кириллицы» может быть исчерпывающе охарактеризовано образом «прогрессирующий коллапс». Это не дает времени для затягивания процессов разработки соответствующего социально-философского инструментария, потребной социальной теории и сопряженных с ними новаторских идей и гипотез.

О.А. МИТРОШЕНКОВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

На юго-западе Москвы на территории Академии народного хозяйства Правительства РФ, с начала 1990-х гг. стоит огромный голубой куб здания. Оно должно было стать новым корпусом академии. Здание широко известно, неоднократно «снималось» в кино. Но так и не стало новым корпусом. Сегодня оно полуразрушено, покрыто потеками, в нем выбиты стекла, отвалились форточки и т.д.

Это — символ «качества» управления в стране. Ученые, администрация академии, правительство не могут придать смысла этому зданию. Но тогда возникает сомнение в их праве обучать управлению. И управлять. Причина плачевного состояния этого здания — люди, а не землетрясения, не вулканы. И даже не экономика.

В России есть все, чтобы быть сверхдержавой. Но нет адекватного управления. Поэтому Россия покинула клуб сверхдержав. Главная ее проблема сегодня — управление. Оно не соответствует вызовам и рискам времени.

Митрошенков Олег Александрович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философии РАГС при Президенте РФ.

На управленческую идентичность в России повлияли многие факторы. В XX в. важнейшим из них стал антропологический кризис.

Это означает, разумеется, не то чтобы люди в России как биологический вид стали хуже, а то, что в этом веке у них было меньше возможностей стать *лучше* — благороднее, добрее, порядочнее, честнее, здоровее, да и числом поболее... И не то, что *человекообразность* жизни в России стала меньше или не росла. Но она могла быть более приспособленной для людей (стариков, детей, инвалидов, молодежи, женщин, да и мужчин). Отсутствие нужного количества детских садов или нормальных туалетов даже в столице, да и по стране в целом, — это и есть неадекватная человекообразность. 40 млн россиян живут без канализации и горячего водоснабжения¹.

Антропологический кризис в России проявился в:

а) *гибели* в XX в. огромных масс людей (преимущественно пассивных) — от 70 до 100 млн;

б) многократной *смене* и потере идеалов, стратегий, ценностных систем, дезориентировавшей страну и людей;

в) плохо приспособленной для человека повседневности, снижении уровня общей и профессиональной культуры;

г) расширении ареала низких моральных качеств (обмана, жадности, зависти, тотального неуважения к человеку, жестокости, заносчивости, тщеславия, пошлости, самодовольства, недоверия, спеси, чванства и т.д.).

Причин у этой антропологической катастрофы много. Но основная — *низкий уровень, качество, эффективность и культура управления страной, свойственные власти и управленческой элите*. Это проявилось в неадекватных ответах на вызовы времени, в возложении тяжелого бремени на население, в управленческом императиве «не умением, а числом». Власть и управленческий класс России не смогли удержать страну от трех революций, втягивания в две мировые войны или хотя бы достойно подготовиться к ним, противостоять деструктивным силам, предотвратить Гражданскую войну. Проиграли «холодную». Системно-хронически не умели управлять превентивно, стратегически оптимально и не силовым путем. Результатом стали репрессии против народа, уничтожение лучших, роковое «продавливание» в реальность сомнительных проектов.

Итог не заставил себя долго ждать — сошла с исторической траектории Российская империя, распался СССР.

В свою очередь, антропологический кризис негативно сказался на качестве и идентичности «человека управляющего». Эта идентичность вы-

¹ Данные озвучены в СФ РФ. См.: АиФ. 2010. № 18. С. 4.

зывает горечь и озабоченность. В XX в. по причине истребления лучших в управление приходили нелучшие, часто не имевшие никаких способностей. Они не содействовали росту управленческой культуры, скорее наоборот. В управлении укрепились худшие черты бюрократии (подсизживание, бумаготворчество в ущерб делу, зависть, карьеризм в худшем смысле, круговая порука, тотальная ложь, государственный обман (лукавая статистика), чинопочитание, интриганство).

Феномены антропологической катастрофы и низкого качества управления структурно сложны и не могут быть описаны какой-либо одной парадигмой или моделью. Власть и управленческий класс России были разными и имели дело с разным человеческим ресурсом до 1917 г. и после него. Общим было то, что и императоры, и генсеки с их окружением с управленческой точки зрения были неэффективны. *Неэффективное управление — архетип, матрица, идентификационный код российских властей и бюрократии.* Иначе итогом их деятельности не стал бы распад великих держав и убывание населения.

Неэффективная политика и управление в XIX—XX вв. совпали, по несчастью, с усилением альтернативного западного проекта, кризисом европейской и российской духовности, демократизацией и массовизацией общества. Все это было чревато тоталитаризмом, насилием, нивелировкой личности под лозунгами равенства. Однако результаты эволюции Запада и России в XX в. оказались противоположными. Запад не избежал катаклизмов, но именно он — авангард мировой динамики. В России же синергетический, мультипликативный эффект от такого совпадения выглядит как катастрофа в антропологическом, цивилизационном, геополитическом отношениях. Причиной такого эффекта стали власть и управленческая элита, неуклюжими действиями сделавшие реальностью потенциальные риски.

Философская и социальная мысль в начале XX в. вслед за русской литературой (носившей, по Бердяеву, пророческий характер) видела угрозу смены одной несостоятельной властной элиты другой, столь же несостоятельной.

После революции 1905—1907 гг. лучшие умы России в сборнике «Вехи» (1909) пришли к следующим выводам. Интеллектуальная элита, претендовавшая на власть, переустройство страны и управление, не готова к этой роли. Она не навела порядка ни в собственной голове, ни в сердце, ни в частной жизни. То есть не обрела адекватной идентичности. В ее действиях доминировали разрушительные начала и отсутствовали творческие. Ради схем она готова была пожертвовать не только собой, но и другими. Уже в этой политико-управленческой формуле «лес рубят —

шепки летят» заключалась недостаточность этой элиты. В этом — и корни будущего императива «нет человека — нет проблемы».

Эта элита не понимала социальных законов и не стремилась к истине, «принижая разум» (В. Соловьев). Культура и мораль, внутренняя сдержанность элиты были недостаточными, а максимализм, фанатизм, нетерпимость — избыточными. Поэтому части элиты смертельно враждовали между собой и готовы были уничтожить друг друга ради идей. Вскоре это стало одной из причин Гражданской войны и войны с собственным народом.

Вслед за Достоевским, предвидевшим разгул «бесовщины», «Вехи» заметили опасность, исходившую от такой элиты. Хотя еще далеко было до гражданской войны, репрессий, диктатуры одной из ее же собственных групп (большевиков). К сожалению, они оказались правы.

В годы 1-й революции проявилась неспособность элиты к государственному управлению и творчеству. «Веховец» А.С. Изгоев констатировал, что «в наших государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырёх десятков кадетов и октябристов, не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России».

Возникает вопрос: если элита не умеет управлять, откуда стремление к власти? Почему она берется за дело, к которому не подготовлена (нетрудно представить последствия прихода к власти и управлению людей типа В. Новодворской)?

Этот вопрос актуален и в современной России. Многие сегодня «готовы» делать карьеры, занимать должности и управлять, несмотря на отсутствие профессионализма и вменяемых представлений об управлении и ответственности. Президентом страны или министром. Формирование списка президентского кадрового резерва выявило много желающих *купить* место в нем и попасть в президентскую «сотню», «полутысячу», «тысячу». Никаких сомнений в своих знаниях и профессионализме у них не возникает.

За 100 лет качество управления страной той властной элитой, которая сменила имперскую, и ее преемниками прогрессировало слабо. Иначе бы самая богатая страна в мире не утрачивала территории и население, а смертность не превышала рождаемость. И не жили бы победители в войне 1941—1945 гг. хуже побежденных. И построили бы хорошие дороги по цене за 1 км много меньше, чем за 1 км коллайдера в Швейцарии, и дали возможность всем жить в нормальных домах и квартирах. Времени было достаточно.

Тогда, в 1909 г., «веховцы» зафиксировали отсутствие чувства ответственности у интеллектуальной элиты, которая причины всех неудач усмат-

ривала во внешних обстоятельствах. Сначала это было самодержавие и жандармы, затем — вражеское окружение, вредители, родимые пятна капитализма (непогода, внезапное наступление зимы, отдельные недостатки, нехватка денег — избыток денег), плохой народ (у нынешних либералов) и т.д.

Решение и предложение «Вех» состояло в том, чтобы взглянуть критически на себя. Обратиться к внутреннему духовному миру, навести в нем порядок. Иначе говоря, обрести идентичность. «Необходим медленный и трудный путь перевоспитания личности, на котором нет скачков, катаклизмов и побеждает лишь упорная самодисциплина» (С. Булгаков). Нужно освободиться от внутреннего рабства, т.е. возложить на себя ответственность и перестать во всем винить внешние силы (Н. Бердяев).

Это решение онтологично и экзистенциально для России. Речь — о качестве народа и его элиты. Можно принять хорошие конституции, законы, создать демократические институты и механизмы, общественные палаты. Но все они приводятся в движение людьми. И если качество людей низко, если они — плохие профессионалы с невысокой духовностью и моралью — тогда мы получим нынешнюю бюрократию с ее непрофессионализмом и коррупционной сущностью (она вообще стала социально-политическим субъектом!), а также бизнес с его рефлексом «неслыханной жадности». И мы их получили. А власть или не знает, или не может ничего с этим сделать. Но тогда все институты и механизмы, конституции и законы становятся фиговым листом в нашей действительности и будут пробуксовывать.

Оппоненты «Вех» отреагировали отрицательно и в своей стилистике — нетерпимо, саркастично, ерничая. В негативном портрете, нарисованном «Вехами», они узнали себя. Тон их ответов не отличался от того, как они привыкли выяснять отношения друг с другом. Это заметно и сегодня.

Предложение авторов «Вех» не прошло. До сих пор не проходит. Но именно оно *теоретически* наиболее адекватно, хотя практически трудно реализуемо. Аналог — невозможность прикладной науки без фундаментальной. Личность с внутренним духовным стержнем не сломают обстоятельства, и она придаст смысл любому занятию. Человек без такого стержня обесмыслит любое занятие и любой социальный механизм. Такова антропология управления.

Сегодня управление и управленческая идентичность в России оптимизма не внушают. Чаадаев 170 лет назад заметил, что в России не умеют извлекать уроки из прошлого. Давно пора исправить эту привычку. Однако это предполагает долгую, кропотливую, тяжелую внутреннюю работу. Это и предлагали авторы «Вех». К чему привычка не выработана. Но выработки ее не избежать.